

DOI: 10.31857/S032103910011596-8

С.Б. КРИХ. Другая история: «Периферийная» советская наука о древности. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 320 с. ISBN 978-5-4448-1173-3

Новая книга известного исследователя советской историографии древности С.Б. Криха в определенной мере отличается от его прежних работ. По существу, она сочетает в себе черты историографического анализа, адресованного специалистам по древности, и биографического рассказа об историках, дополненного «классификацией» их научных и личных судеб, который скажет многое любому интересующемуся положением гуманитарной науки советского времени. Последнее предопределяет и стилистические особенности книги: ее язык более свободный, чем это, как правило, свойственно научным текстам, и ее автор проявил себя как настоящий мастер слова. Вместе с тем весьма нетривиальна цель, которую поставил перед собой С.Б. Крих, — выделить в советской историографии древности «ядро» и «периферию» и определить характер взаимоотношений между ними на разных этапах развития науки. Не случайно автор предположил своей работе два дискурсивных, в которых постарался обозначить смысл этих базовых для его исследования понятий.

Разговор о них автор начинает, приводя формулировку своего коллеги: исследование «периферийной» историографии — «это про тех историков древности, которые не стали большими начальниками» (с. 5). Апеллируя к тезису П. Бурдье о значимости в «поле науки» «символического капитала» действующих в нем лиц, образуемого успехом их идей, С.Б. Крих сразу расширяет это понятие, подчеркивая значение в нем, помимо собственно научной состоятельности, также и внутренних законов научных иерархий и внешних влияний из сферы политики, экономики, СМИ и т.д. (с. 5–6). Таким образом, «периферия» науки — это часть ее «поля», «обитатели» которой в конечном счете не обратили в свою пользу всю совокупность этих факторов. Далее автор делает верное замечание о коренном отличии отечественного «поля науки» от европейского: оно не обладало подлинной автономностью (также один из постулатов Бурдье) ни в дореволюционное, ни в советское время, причем в последнем случае для ученого «недостаточно было просто быть марксистом (или заявить себя таковым), необходимо было также придерживаться правильного, не еретического понимания “единственно верного учения”» (с. 11–12).

С тем, что автономность советской науки подрывалась идеологическим диктатом, не приходится спорить; однако все же не стоит и переоценивать его силу. Когда С.Б. Крих говорит, что «идеологически и структурно советская наука была замкнута на собственных основаниях» (с. 12), он не делает того (может быть, очевидного для него) уточнения, что говорит о науке гуманитарной: если бы положение естественных и технических наук в СССР было точно таким же, страна не смогла бы вести вполне успешное соревнование с западным миром в освоении атома и космоса. Что же касается гуманитарного знания, автор книги прекрасно сознает и учитывает неоднородность диктата в этой сфере на протяжении советского периода: высказывание «еретических» (в том числе и немарксистских, хотя, разумеется, не антисоветских!) идей было мыслимо как в 1920-е годы, когда советская власть еще не определилась с идеологическими позициями, с которых следовало унифицировать гуманитарную науку¹, так и с 1960-х годов, когда насущность для власти такой унификации существенно снизилась. Другой вопрос, как были бы встречены такие идеи и какой статус они бы обрели; но он и имеет прямое отношение к теме рассматриваемой нами книги — «периферии» советской науки о древности.

¹ Krih 2013, 72–89; Ladynin 2016, 11–12.

Во втором предисловии С.Б. Крих, определяя базовые понятия книги, заходит немного дальше: если «под мейнстримной историографией», формирующей ядро, «понимаются те течения, подходы и типы повествования (и их представители), которые занимают определяющее место в научном и общественном пространстве, ассоциируясь с исторической наукой в целом», то «периферийная историография — это те направления (или отдельные авторы)... которые, соответствуя общим параметрам научности, не воспринимаются как образцовые» как внутри, так и вне науки (с. 15). Определяя факторы принадлежности историка к «ядру» или «периферии» «научного поля», автор объединяет их в две группы — внешние факторы (публикационный, географический, корпоративный) и внутренние (теоретический, тематический, стилистический; с. 16–17).

Такая классификация представляется в целом справедливой; однако нужно иметь в виду, что некоторые из этих факторов тесно взаимодействуют между собой, причем это взаимодействие не составляет советскую специфику. Так, фактор публикационной активности зависит отнюдь не только от личной плодovitости ученого, но и от способности протолкнуть свой текст, в том числе обеспечив желательный статус публикации, а это напрямую связано с его интеграцией в корпорацию, причем такая связь была особенно тесной именно в советское время, когда публикация (особенно книг) вообще была сложным делом. В связи с этим можно обратить внимание на рассмотренные самим С.Б. Крихом примеры В.А. Белявского и А.Г. Кифишина, не обделенных готовностью писать, но вытесненных на обочину публикационного процесса (с. 253–268). Равным образом легко представить, как начинающий или «провинциальный» ученый сталкивается с неприятием предлагаемых им широких и обобщающих обобщений. Так или иначе, совокупность выделенных автором книги критериев и их дальнейшее применение позволяет сказать, что принадлежность ученого к «ядру» или «периферии» науки определяется отнюдь не исключительно тем, занимал ли он «командные высоты». Вместе с тем можно отметить, что в ряде случаев, определяя «периферийность» ученого, автор сбивается на применение только одного критерия — регионального (на наш взгляд, применительно к М.Я. Сюзюмову и в определенной мере к А.С. Шофману). Конечно, отставание от научной жизни центра вкупе с необходимостью применяться к требованиям местного начальства, часто более волюнтаристского, чем в центре, воздействовали на работу ученых. Однако, во-первых, понятно, что по крайней мере первая из этих сложностей была при должном усилии преодолима и в провинции, так что недостатки происходящих отсюда работ зависели еще и от чисто личностного фактора². Во-вторых, преувеличением нам кажется суждение о том, что «в провинции такие заметные фигуры (фраза формулируется в контексте упоминаний А.С. Шофмана и В.Т. Сиротенко — *Н. А., И. Л.*) становились по факту вне конкуренции, и это превращало их в титанов мысли местного масштаба» (с. 177). Наконец, серьезная и практически обойденная в книге тема — это качественная активизация региональной науки о древности в поздне- и постсоветский периоды: следует ли отнести, например, антиковедов саратовской школы этого времени к «ядру» или «периферии» науки о древности?

Определенные вопросы вызывает не только применение установленных С.Б. Крихом критериев для того, чтобы отнести того или иного ученого к «ядру» или «периферии», но и существование этих базовых для его книги понятий. Один из таких вопросов может показаться чисто стилистическим: почему в качестве антонима понятию «периферия» автор употребляет понятие «ядро», а не «центр»? Его собственное объяснение: «от этого слова сложнее образовывать удачные производные» (с. 15), — не вполне убеждает, поскольку производных от слова «ядро» мы в книге как будто не замечаем. Рискнем допустить, что дело в другом: данное слово ассоциируется с чем-то гораздо более унифицированным и монолитным, чем слово «центр», и именно таким автор хотел бы представить «мейнстрим» советской науки о древности. Далее мы вернемся более конкретно к вопросу о том, насколько это оправданно, но пока ограничимся общим суждением: безусловно, социально-экономические исследования по своей значимости признавались базовыми для советской историографии, однако ни на одном этапе своего развития она все же не сводилась

² Заметим, кстати, что ряд моментов, в которых работы А.С. Шофмана не дотягивали до актуального научного стандарта (обсуждаемый С.Б. Крихом тезис о возникновении государства в Македонии лишь в IV в. до н.э. — с. 161; не учтенный им тезис о «конгломератном» характере доэллинистических межрегиональных держав Ближнего и Среднего Востока), могут объясняться не незнанием текущего состояния науки как таковым и не какими-либо недоработками, а склонностью ученого воспроизводить (в том числе, видимо, в порядке идеологической перестраховки) постулаты, усвоенные еще в начале научного пути.

только к ним. Если «ядро» — это прежде всего нечто, воспринимающееся как «образцовое», то могут ли нарратив или методология, оформившиеся при разработке «соцэка», задавать в точном смысле слова «образец» исследования, например, в сфере культуры? Думается, что по крайней мере с середины 1930-х годов на такой вопрос был бы дан отрицательный ответ: разумеется, от исследователя культуры ожидалось, что он учтет воздействия на ее явления разного рода социальных факторов и в первую очередь классовой борьбы, но это еще не предопределяло всех особенностей его работы³. Соответственно, уже тематическая дифференциация внутри науки о древности позволяет ожидать наличия в ее «мейнстриме» не некоей унифицированной модели исследования, а целого ряда сосуществующих моделей, что означает большую децентрализацию этого «мейнстрима», нежели можно предполагать при его определении как «ядра».

Переходя теперь к оценке отдельных частей книги, отметим, что мы согласны с мнением ее автора об аморфности институций раннесоветского периода (конца 1910—1920-х годов), занимавшихся наукой о древности, и о рубежном характере в ее развитии «великого перелома» 1929—1930 гг. (с. 20—31). Трудно принять, однако, утверждение, отнесенное, видимо, уже к ситуации начала 1930-х годов, что «трактовка древней истории не была четко обозначена партийными органами» (с. 31): на самом деле в оформившейся в это время схеме советского марксизма древность стала практически синонимична с эпохой рабовладельческого способа производства. Именно этот постулат, позволявший унифицировать ход исторического развития древних обществ повсеместно, стал важным фактором структурирования советской науки о древности в 1930-е — в начале 1950-х годов: оспаривавшие его историки не подвергались репрессиям, но оказывались на «периферии». В этом смысле действительно яркие примеры дают исследованные С.Б. Крихом научные биографии Н.М. Никольского (с. 34—59) и Б.Л. Богаевского (с. 59—92). Отметим, что эти примеры выглядят еще ярче на фоне уже давнего и, на наш взгляд, верного замечания А.А. Формозова о том, кто же сформировал «ядро» науки о «докапиталистических формациях» в середине 1930-х годов — ученые старой школы, такие как С.А. Жебелёв, В.В. Струве, Б.Д. Греков⁴. Автор обоснованно отмечает раздражение Никольского в связи с миграцией к марксизму и последующим возвышением Струве⁵, однако вопрос о том, было ли у последнего реальное дореволюционное научное прошлое и был ли он близким учеником Б.А. Тураева (с. 47), непринципиален: важнее, что по своей деятельности в раннесоветский период он не принадлежал к специфически советским институциям (типа Института красной профессуры и Комакадемии)⁶. Ликвидация таковых в середине 1930-х годов не могла не быть связана с их восприятием в качестве питательной среды для выходящих за рамки установок сверху теоретических дискуссий, а последних — как предпосылку для оппозиций внутри партии. Исходя из этого, было оправданно содействовать возвышению во главе новых гуманитарных институций тех ученых, которые заведомо не были лично заинтересованы в излишнем и независимом от официальной линии теоретизировании. Именно они завершили формирование «целостного нарратива» советской историографии, сообщив ему (созвучно со вкусом тогдашнего руководства страны) традиционность и ориентацию не на цитаты из классиков (излишнее искусство в жонглировании ими было как раз атрибутом искореняемого вольномыслия 1920-х годов), а в большей мере на источники и устанавливаемые в опоре на них факты.

³ Неслучайно накануне Великой Отечественной войны мы встречаем попытку (правда, так и не завершённую) выработать специальную «советскую» норму исследований именно в сфере культуры: Vigin, Karguuk 2015, 77—92. Примечательны и слова вполне правоверной последовательницы советского марксизма К.М. Колобовой в ее письмах А.Б. Рановичу 1946 г. об отсутствии в советской науке выработанных подходов к разработке таких специфических для древности проблем, как, например, проблема полиса: Klyuev, Metel' 2018, 49, 51.

⁴ Formozov 2006, 162—185.

⁵ Знакомство со статьей М.Н. Кирилловой, находящейся сейчас в печати (Kirillova 2021), обратило наше внимание на характерно похожую ситуацию 1939 г. — нападки А.В. Шестакова, как и Никольский — большевика с дореволюционным стажем, на теорию феодализма в древней Руси Б.Д. Грекова.

⁶ При множественности мест работы Струве на рубеже 1920—1930-х годов мы не уверены, не был ли он связан какое-то время с некоторыми из таких институций, но конъюнктурность такой связи была бы всем очевидна.

Проигравшими, оттесненными на «периферию» при этом оказались такие ученые, как старый большевик Никольский, с великой охотой опиравшийся в полемике именно на цитаты⁷, и Богаевский, в свое время близкий марризму и тоже формулировавший свой тезис о позднепервобытном характере крито-микенского общества с выкладками из трудов классиков⁸. По словам С.Б. Криха, эти ученые «с точки зрения того, что они писали, в основном выглядят не лучше победителей» (с. 140) и «в случае своего вхождения в “ядро” способствовали бы еще большей схематизации историописания» (с. 301). Это абсолютно справедливо, однако, определяя причины их проигрыша, автор, на наш взгляд, в случае Никольского слишком увлекся субъективными обстоятельствами (в частности, самим ходом полемики, в которой тот участвовал; с. 41–55), а в случае Богаевского — особенностями его аргументации, которая «упрощала периодизацию, но усложняла образ эпохи» (с. 90). Между тем решающим, думается, было все же несоответствие их идей базовому постулату о рабовладельческом характере всех древних обществ. Правда, Никольский в итоге принял его, однако уже безнадежно проиграв конкуренцию со Струве (во многом в силу изначального несогласия с данным постулатом, приведшего к такому окрику сверху, как переписывание подготовленного им школьного учебника; с. 41–42, 46, 49). Что касается Богаевского, то вообще признание крито-микенского общества позднепервобытным, а не рабовладельческим, не так уж усложняло «образ эпохи»: с позиций советского марксизма первобытнообщинный строй предшествовал рабовладельческому, и Богаевский не добавил в эту последовательность ничего «лишнего». В то же время чрезмерно «простая» картина древневосточного рабства, которое в исходных построениях В.В. Струве сильно уподоблялось античному⁹, была скоро отвергнута в пользу его признания стадиями более ранним и примитивным¹⁰, т.е. как раз нюансировки и усложнения этой картины. Очевиден мотив этого — приведение тезиса Струве к большему соответствию фактам, и, думается, точно так же обстояло дело и с тезисом Богаевского: на рубеже 1930–1940-х годов его критики, какими бы ни были их субъективные мотивы, могли позволить себе верить не системе цитат, а собственным глазам, и считать общество с письменностью, стратификацией поселений и храмовыми и укрепленными дворцовыми постройками принадлежащим этапу цивилизации¹¹. Однако в таком случае, согласно принятому постулату, оно и должно было быть рабовладельческим, и критика Богаевского закономерно приводила к утверждению такого его характера даже в отсутствие позитивных данных о природе критского и микенского обществ (с. 88).

Обращение к работам А.Д. Дмитриева 1940–1950-х годов о «революции рабов» в поздней античности (с. 102–113), по сути дела, выводит С.Б. Криха на более широкую проблему исследования этой эпохи целым рядом «периферийных» историков. Конъюнктурность этой темы у Дмитриева, который «рубил напрямую», строя крайне упрощенную, но связную концепцию «перманентной революции рабов» (с. 113), очевидна (см. отсылку к словам самого ученого: с. 115); однако в ином смысле она была конъюнктурна и у других авторов. М.Ю. Сюзюмов, возражая в середине 1950-х годов Е.М. Штаерман по вопросу о генезисе феодализма в поздней Римской империи с обоснованной, но в то же время и несколько охранительной позиции¹², по мнению автора, в значительной мере хватался за удобный повод для ответственной дискуссии (с. 165–168); В.Т. Сиротенко взял на себя задачу пересмотра позитивной оценки варваров как «союзни-

⁷ См. его переписку с А.Б. Рановичем, в которой его суждения о социально-экономическом строе древнего Востока и подсказки о возможных ходах в полемике со Струве сводятся в первую очередь к ссылкам на актуальные цитаты: Klyuev, Metel' 2018, 90–97, 102–106, 111–116.

⁸ См., в частности, схему соответствия этапов развития крито-микенского общества этапам разложения первобытности по Моргану и Энгельсу: Bogaevskiy 1934, 728.

⁹ Например, Struve 1934, 73–77, 86–90.

¹⁰ Данная корректировка была проведена С.И. Ковалевым в концептуальном введении к «Истории древнего мира», первые тома которой были изданы в середине 1930-х годов Государственной академией истории материальной культуры (Kovalev 1936–1937, I, 7), а потом и принята самим Струве в издании его «авторского» учебника 1941 г. (Struve 1941, 6–7).

¹¹ Невольно хочется сказать, что подобная «вера собственным глазам» лежит и в основе выведенного Г. Чайлдом набора десяти признаков цивилизации: Childe 1950, 3–17.

¹² Мнение Штаерман о феодализме в империи уже IV в. н.э. в начале 1950-х годов должно было восприниматься как крайность в том числе и потому, что исключало какое-либо восприятие в качестве «революции» предполагаемых проявлений классовой борьбы в финале античности: Krikh 2013, 192–195.

ков» рабов и угнетенных в падении Римской империи, следуя в русле того направления историографии, которое наметилось с середины 1950-х годов (с. 168–172). Думается, что работы всех этих историков отражают единую тенденцию, понятную именно в «периферийной» (в данном случае в первую очередь в региональном смысле) историографии, — использование мало разработанных в советской науке сюжетов поздней античности с целью вписать свою позицию в контекст серьезной теоретической проблематики. Сделать то же самое на гораздо более затоптанной почве (например, на материале римского классического рабства конца Республики — начала Империи) ученому «периферии» было бы гораздо сложнее. В какой-то мере схожим приемом была знаменитая (и давшая действительно хорошие результаты) ориентация казанской школы 1960–1980-х годов на изучение не источников (предполагающее очень высокую языковую подготовку и использование большого массива труднодоступной литературы), а историографии древности¹³. К сожалению, С.Б. Крих, говоря о трудах А.С. Шофмана и о его роли в создании казанской школы антиковедения (с. 155–164), не оценивает этот прием специально.

Оценивая ситуацию конца сталинского времени, С.Б. Крих говорит, что Великая Отечественная война была «принципиальным разделом», который завершил восходящий к революции раскол общества, определил «возрастание ценности человеческой жизни» и делегитимизировал «организуемый государством террор против собственного общества» (с. 142). Может быть, это справедливо на уровне реальных ощущений людей, однако проговоренность всех этих моментов в официальной идеологии была достигнута гораздо позже — не раньше времени Хрущёва, а окончательно лишь при Брежневе в рамках концепций «развитого социализма» и «общенародного государства». Тем более, едва ли именно этим стоит объяснять тот факт, что в конце 1940-х годов историки древности задействовали «механизмы по возможности формального участия в идеологических кампаниях» (с. 143). Во-первых, ход этих кампаний в иных, «расстрельных», в отличие от «тихой гавани» древнего мира (с. 33), отраслях истории (прежде всего в истории СССР и истории партии) обнаруживал смягчение нравов разве что в том, что обошлось все же без расстрелов, лишь одной жестокой критикой и увольнениями¹⁴, причем не следует забывать, что историки древности тоже должны были участвовать в этих кампаниях, пусть и пассивно. Во-вторых, специфика науки о древности состояла в том, что в ней пришли к руководству порядочные по меркам того времени люди: за исключением нападок на С.И. Ковалева и даже торжества в связи с его арестом¹⁵ (что, видимо, объяснялось его ролью в ГАИМК в начале 1930-х годов и, кстати, получило серьезный отпор в ученой среде¹⁶), мы не знаем примеров злостного сведения счетов такими фигурами, как В.В. Струве или А.В. Мишулин.

В острой же фазе кампаний 1940-х годов самой влиятельной в изучении древности фигурой был Н.А. Машкин, целенаправленно стремившийся минимизировать вызванные ими потери. Думается, что такая ситуация была следствием не общего настроения этого времени, а специфики конкретной дисциплины, причем и она, вопреки мнению автора, отнюдь не исключала использования идеологических кампаний для «принципиального передела сфер влияния». Попытки ученицы Мишулина О.Н. Юлкиной в 1949 г. открыть огонь по учебнику В.С. Сергеева¹⁷ выглядели не слишком серьезно и могли объясняться страхом за себя, побуждавшим бить других; иное впечатление производят политические обвинения В.И. Авдиева в 1950 г. против ленинградских востоковедов (в том числе персонально И.М. Дьяконова), а также самого Н.А. Машкина, внесшие вклад в реорганизацию Института востоковедения — вполне реальный случай «передела сфер влияния»¹⁸.

В описании кампаний 1940-х годов С.Б. Крих, конечно, не проходит мимо нападок на С.Я. Лурье (с. 146–149), и, помимо этого, отдельно обсуждает его научную биографию и насле-

¹³ Garipzanov *et al.* 1997, 3–7; Almazova 2016, 131–160.

¹⁴ Tikhonov 2016, 166–265.

¹⁵ «...До сих пор еще в ходу “История античного общества”, выпущенная вредителем Ковалевым, в которой проводятся антимарксистские взгляды на развитие античного мира» (Editorial 1939). По сообщению И.М. Дьяконова, уже на исходе тюремного срока Ковалева Мишулин, приехавший в Ленинград вместе с Машкиным «для осуждения методологических ошибок... Ковалева», на специальном заседании «прочел доклад о вредительстве Ковалева в трактовке заговора Катилины» (Diakonoff 1995, 449–450).

¹⁶ См. то же сообщение И.М. Дьяконова.

¹⁷ Bugaeva, Ladynin 2016, 193, 225–234, 256, 259, 276.

¹⁸ Ladynin, Timofeeva 2017, 337–360.

дие (с. 206–226). Вопреки реплике о «запоздалой периферизации» Лурье в 1949 г. автор все же обсуждает его работы начиная с 1920-х годов и очевидно распространяет на них в целом качество «периферийности». Отчасти С.Б. Крих присоединяется к мнению А.А. Мировшиковой о Лурье как об «историке “старой школы”», оказавшемся в советских условиях, что, конечно, полностью объясняло бы его «периферийность» (с. 206, прим. 1; с. 210)¹⁹. Не станем воспроизводить приведенные нами в другом месте аргументы относительно осознанного и значимого разрыва С.Я. Лурье со «старой школой» в самом начале его пути²⁰; более важным представляется вопрос о том, можно ли вообще говорить о его периферийности в советской науке. Он касается не одного Лурье, но также и других героев книги — Ю.Я. Перепелкина (с. 229–232), А.Ф. Лосева (с. 274–281), Л.С. Васильева (с. 234–235), в какой-то мере М.Е. Сергеенко (с. 122–135). Пройдясь по выделенным С.Б. Крихом критериям отнесения ученых к «ядру» или к «периферии», мы обнаружим, что все эти исследователи работали в столицах (в этой связи мы еще оговорим один важный нюанс); их публикации имели высокий статус (книги выходили большими тиражами, в ведущих академических издательствах, некоторые из них были авторами «Всемирной истории»²¹); в самой ученой среде они пользовались высоким (Перепелкин — практически непререкаемым) авторитетом; тематика их работ (экономика и общество древности, история науки и техники, история философии), при специфике взгляда на нее и фундаментальности ее разработки, соответствовала приоритетам советской науки; в теоретическом плане они по меньшей мере не высказывались против постулатов советского марксизма, а в ряде случаев применялись к ним (С.Б. Крих хорошо показывает, как это имело место у Лосева: с. 275–278); в стилистическом отношении резко выбивались из обычных рамок разве что тексты Перепелкина (что, впрочем, не было непреодолимым препятствием для их издания). Конечно, Лурье в 1949 г. был вынужден покинуть Ленинград, однако это не маргинализировало его работы в восприятии очень значительной части корпорации²². Также очевидно, что все эти ученые не вносили вклада в разработку проблем «соцэка», базовых для советского марксизма, в характерном для него ключе; однако серьезную альтернативу его методологии (по сути дела, вполне самобытную и эффективную методику изучения не тождества древнего и современного сознания, притом слабо замеченную даже в других отраслях науки о древности, не говоря о гуманитарном знании в целом) предложили лишь египтологи ленинградской/петербургской школы (Ю.Я. Перепелкин, а затем О.Д. Берлев и Е.С. Богословский, которых тоже можно отнести только к «ядру» отечественной науки).

Думается, вывод из сказанного очевиден: практически на всех этапах развития советской историографии в ее «ядро» могли входить, как бы образуя в нем особое «второе ядро», ученые, не отдававшие целенаправленно дань марксистскому методу, внутренне не принимавшие его и спо-

¹⁹ Mirovshchikova 2016, 494–500.

²⁰ Ladynin 2020, 42–55.

²¹ Правда, можно думать, что изданию основных работ Перепелкина препятствовал до конца своей жизни Струве (Bolshakov 2015, 10, 15, прим. 27); куда менее известно, что в 1940-е годы, во время своего пребывания в Египте, достаточно влиятельный в академических кругах М.А. Коростовцев ставил вопрос об их издании в «экспортном варианте» на иностранных языках (Ladynin, Timofeeva 2014, 374, 376).

²² Не совсем понятно, что С.Б. Крих имеет в виду, говоря: «...в литературе хорошо исследован тот факт, что выход первой части университетского курса лекций по истории Греции был встречен сугубо отрицательно» (с. 215). Число исследований, посвященных С.Я. Лурье, не столь велико, и в доступных нам работах А.А. Мировшиковой мы как будто не нашли таких оценок; зато в известном мемуарно-биографическом произведении о С.Я. Лурье, не упускающем случая рассказать о его преследованиях, речь идет лишь об изустном упреке С.И. Ковалева в адрес его курса (Koprzhiva-Lurie 1987, 172–173). С.Б. Крих ссылается на нападки Н.А. Машкина на «Историю Греции» в 1949 г., однако на этом этапе Лурье успел стать тем «назначенным виновным» в рамках идеологических кампаний (с. 144), которого можно и нужно было критиковать, по сути, уже не нанося ему большего, чем уже причиненный, вреда, так что этот эпизод не дает представления о реальном отношении к его курсу. Что касается уже львовского этапа научной биографии С.Я. Лурье, то тогда он опубликовал только в «Вестнике древней истории» около двух десятков статей и рецензий, монографию «Язык и культура микенской Греции» (в издательстве АН СССР), принимал участие в изданиях Учпедгиза, в столичных юбилейных сборниках высокого статуса, активно публиковал статьи за рубежом (Amusin 1965, 234–236). Сошлемся, кстати, на устное свидетельство Ю.Б. Циркина о триумфальной встрече Лурье, устроенной К.М. Колобовой во время его приезда по какому-то случаю в Ленинград в начале 1960-х годов.

собные выдвинуть ему альтернативу. При этом творчество Лосева разворачивается уже в позднесоветское время, когда к названным именам ученых «второго ядра» вполне правомерно прибавить имена А.А. Гуревича, С.С. Аверинцева, В.В. Иванова и других. Однако к этому времени данная тенденция была представлена территориально относительно широко и чаще выражалась в методологических новациях (плодотворных в плане их трансляции в постсоветское время, прежде всего вне науки о древности, особенно в медиевистике). До середины 1950-х годов голос таких ученых звучит, конечно, тише, и практически все они живут в одном и том же крупном центре — Ленинграде. Похоже, упущение С.Б. Криха состоит в том, что, определяя «ядро» и «периферию» советской науки о древности, он обошел вопрос о том, какое место в такой структуре должно быть отведено Ленинграду с его более живой культурной связью с дореволюционной и европейской традициями, которая обретала в ряде случаев поддержку и от власти²³. Естественно, что такая ситуация могла содействовать сохранению в науке, и в частности в изучении древности, «второго ядра», о котором мы говорим.

Примечательно, что первая часть книги С.Б. Криха, посвященная периоду 1920 — начала 1950-х годов, по своему объему (с. 20—141) сопоставима с двумя частями, говорящими в основном о времени после середины 1950-х годов (с. 142—300), хотя и во второй части есть целая глава (с. 142—155) о ситуации до смерти Сталина и ряд экскурсов в нее. Такое соотношение между частями книги в принципе понятно: архивные материалы ученых первой половины XX в. доступны лучше, а их творчество, при их сравнительной немногочисленности, поддается более отчетливой типологизации. Наука о древности второй половины XX в. встраивается в исследовательские схемы, будучи представлена качественно большим числом ученых, однако это порождает и трудности в оценке довольно кратких характеристик ее персоналий в обсуждаемой книге.

На наш взгляд, нужно остановиться прежде всего на общих оценках автором тенденций этого времени. Чрезвычайно важна глава «Периферия в центре» (с. 178—206), фактически посвященная трансформации базовых концепций советской науки о древности начиная с 1950-х годов. С.Б. Крих справедливо связывает этот процесс с десталинизацией (с. 179), хотя, думается, подвижки в этом направлении можно заметить уже на этапе разработки новой структуры первых томов «Всемирной истории» в начале 1950-х годов, еще при жизни Сталина²⁴. Не менее справедливо выделение в этом процессе роли И.М. Дьяконова (как оппонента В.В. Струве в определении специфики общества древнего Востока), К.К. Зельина (как оппонента А.Б. Рановича, но, по существу, и целого ряда историков предшествующего периода, говоривших об эллинизме как о стадии в социально-экономическом развитии), Е.М. Штаерман (как оппонента теории «революции рабов» применительно к поздней античности), С.Л. Утченко (как генератора принципиального тезиса о значимости объединенного в общины крестьянства в истории античности и в целом древности). Вместе с тем С.Б. Крих прямо говорит о Дьяконове, что после успешной полемики со Струве в 1950-е годы он «стал признанной частью мейнстрима» (с. 183), о Зельине — что в свое время он «был довольно решительно вытеснен на периферию» (с. 184; имеются в виду, без сомнения, нападки Струве в 1939 г. на его диссертацию по истории Хеттского царства)²⁵; мы не видим схожих характеристик применительно к Штаерман и Утченко, но и приведенные нами, вкуче с самим названием главы, заставляют думать, что автор мыслит процесс «обновления идей» в послесталинской науке прежде всего как «миграцию» ученых и их концепций с «периферии» в «ядро».

Позволим себе не согласиться с этим: по сути дела, нет никаких оснований выводить всех названных ученых на каком-либо этапе их биографии за пределы «ядра». Даже Зельин, перенеся в конкретной ситуации конца 1930-х годов удар от лидера ленинградского востоковедения, не утратил вполне почетного места в московской науке. На самом деле, и в сталинское время «ядро» не представляло собой «когорту бессмертных», а пополнялось набиравшими вес новыми фигурами. Думается, что для адекватной оценки состава «ядра» науки о древности (как, наверное,

²³ Так, И.М. Дьяконов упоминает, что его учителю А.П. Рифтину удалось восстановить (по сути дела, создать заново) преподавание в ЛГУ семитологических дисциплин, убедив в целесообразности этого Кирова (Diakonoff 1995, 317).

²⁴ См. серьезную концептуализацию истории древности, намечающую возможности принятия ряда догматических положений лишь в порядке компромисса, в передовой статье ВДИ, написанной О.В. Кудрявцевым: Editorial 1952, 3—16.

²⁵ Pavlovskaya 2000, 98.

и любой отрасли советской историографии) необходимо его структурирование при помощи введения понятий не только «второго ядра», в соответствии с нашим рассуждением выше, но и также и «нового поколения ядра»²⁶, которое закономерным образом и должно было стать мотором «обновления идей» в его рамках. Логика этого процесса состояла прежде всего в приближении теоретической схемы, по-прежнему выраженной в марксистских категориях, к исторической реальности: собственно, схожие манипуляции заметны еще в довоенное время, в отмечавшихся нами корректировке концепции Струве и критике взглядов Богаевского. Однако, разумеется, ситуация после смерти Сталина предоставила для этого качественно иные возможности. Соответственно, в процессе, который С.Б. Крих категоризирует в контексте взаимодействия «ядра» и «периферии» науки, мы бы увидели прежде всего эволюцию концепции ее «ядра», причем (скажем это обязательно) — вполне закономерную²⁷.

Еще одно, в чем мы не согласимся с автором книги, — это характеристика ситуации в науке позднесоветского периода как «дезорганизации ядра». С.Б. Крих справедливо обращает внимание на исключительный авторитет в это время таких ученых, как К.К. Зельин и (на наш взгляд, в гораздо большей мере) Ю.Я. Перепелкин, взгляды которых вполне заменили их последователям постулаты «советского марксизма» (с. 243). Однако, во-первых, этот авторитет сложился много раньше описываемого периода, а во-вторых, мы уже обозначили их место внутри, а не вне «ядра», так что ориентация на них не свидетельствует о каком-либо его распаде. Безусловно, справедливо говорить как о «глотке свежего воздуха» о работах Г.С. Кнабе, рассматривавших социальную жизнь Рима в новых для советской науки категориях (с. 284–285), но не надо забывать о сравнительной новизне этих категорий и в науке общемировой, где они стали появляться с 1960-х годов (например, в работах таких ученых, как Кл. Николе и М. Клавель-Левек). Обращение к ним ученых позднесоветского времени свидетельствует не только о внутренних процессах в отечественной науке, но и о закономерном, хотя и запаздывающем восприятии ею актуального общемирового опыта. «Заредативность» стенограмм научных мероприятий этого времени, о которой говорит С.Б. Крих (с. 244–246), должна свидетельствовать не об их рутинности или осторожности выступающих, по мнению автора, а скорее о сильном снижении интереса инстанций к тому, что на них говорилось дословно, т.е., на самом деле, о большей свободе науки. Не согласимся мы и с мнением о «снижающемся эффекте» серии монографий об античном рабстве и дискуссии о полисе, которые, по мнению автора, «уже не содержали новых идей» (с. 246). Обратим в этой связи внимание на мнение двух крупных исследователей историографии, согласно которому серия книг о рабстве подвела к общему выводу, что оно не имело «основополагающего значения» даже в ряде регионов античного мира²⁸, а также на идею Г.А. Кошеленко о противоположности таких начал, как полис и город, важную для понимания процессов IV в. до н.э.²⁹

²⁶ В данном случае не получается говорить только о чисто возрастном аспекте смены поколений: К.К. Зельин, ставший значимой фигурой московской науки на рубеже 1930–1940-х годов, приближался к своему пятидесятилетию, С.Л. Утченко в послевоенное время — к сорокалетию. Вместе с тем И.М. Дьяконова и Е.М. Штаерман (и в особенности О.В. Кудрявцева — 1921 года рождения) ко времени начала их активной научной работы во второй половине 1940-х годов можно назвать молодыми учеными и по возрасту.

²⁷ Упомянутая статья М.Н. Кирилловой (Kirillova 2021) побудила нас рассмотреть обращение В.В. Струве в 1950 г. к теме восстания Савмака: выступая в защиту интерпретации декрета Диофанта С.А. Жебелёвым, он с исключительной лояльностью полемизирует с «космополитом» С.Я. Лурье и практически «врагами Советской власти» М.И. Ростовцевым и А.П. Коцеваловым (Struve 1950, 23–40). Этот крайне необычный для Струве экскурс в античность можно попробовать объяснить его качествами «шахматиста», отмеченными И.М. Дьяконовым (Diakonoff 1995, 419): предвидя, что морок идеологических кампаний стусился не навсегда и что после его рассеивания их активные участники столкнутся с осуждением со стороны значительной части корпорации, Струве вполне мог стремиться лишний раз продемонстрировать, что его собственная, как и его коллег, приверженность «рабовладельческой концепции» носила сугубо научный характер и даже в разгар кампаний обосновывалась средствами корректной полемики. Если так, то закономерность теоретической трансформации «ядра», которая побудила бы генераторов его прежних концепций занять оборонительную позицию, просчитывалась В.В. Струве очень заблаговременно.

²⁸ Frolov 1999, 412; Heinen 2014, 165.

²⁹ Koshelenko 1980, 3–28; Golubtsova 1983, I, 9–36.

Наконец, нам трудно согласиться с утверждением С.Б. Криха о том, что «никакого внутреннего перерождения ядра советской науки... не происходило, оно просто воспроизводило одни и те же установки и постепенно разлагалось изнутри» (с. 296). С этими словами диссонирует и оценка самим автором доклада И.М. Дьяконова и С.Л. Утченко 1970 г. об основополагающей роли общины в древности, названного «последней попыткой обновления теории, и первой попыткой зафиксировать ее отныне в неизменном виде» (с. 246). С.Б. Крих правильно понимает роль этого доклада в трансформации базовых положений науки о древности, но переоценивает возможность их догматизации на данном этапе. Мы уже писали о принципиальном значении этой трансформации³⁰ и по-прежнему полагаем, что ее потенциал именно как «импульса для дальнейшего развития “ядра”» (с. 301) был велик; другое дело, что такое развитие шло бы медленнее, чем формирование «ядра» в 1930-е годы, прямо стимулировавшееся сверху, и в итоге было прервано не его «дезорганизацией», а коренным изменением социально-политических условий развития науки в начале 1990-х годов.

Разумеется, наше несогласие с рядом положений рецензируемой книги не распространяется на нее в целом. На наш взгляд, в своей книге С.Б. Крих ищет ответы на исключительно важные вопросы о структуре советской науки о древности, о логике и динамике ее развития и о соотношении в этом процессе собственно научного, идеологического и личностного факторов. Невольно приходится констатировать, что для разрешения этих вопросов мало одной книги, однако нет сомнений, что размышления ее автора над ними продолжатся. Пока же скажем, что возражения интерпретациям С.Б. Криха возникают прежде всего благодаря тому, что его книга побуждает думать над поставленными в ней вопросами и предоставляет для этого превосходную основу.

Литература / References

- Almazova, N.S. 2016: [“A real laboratory of academic work”: the seminar *Antichnyy ponedelnik (Classical Monday)* at Kazan’ in the Context of the Notion of Scientific School]. *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo [Journal of Dmitriy Pozharskiy University]* 2 (4), 131–160.
- Алмазова, Н.С. «Настоящая лаборатория научной работы»: казанский семинар «Античный понедельник» в контексте понятия научной школы. *Вестник Университета Дмитрия Пожарского* 2 (4), 131–160.
- Amusin, I.D. 1965: [Published works of S.Ya. Luria]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 231–236.
- Амусин, И.Д. Список трудов С.Я. Лурье. *ВДИ* 1, 231–236.
- Bogaevskiy, B.L. 1934: [Primitive communist mode of production at Crete and in Mycenae]. In: *Pamyati Karla Marksa. Sbornik statey k 50-letiyu so dnya smerti [Commemorating Karl Marx. A Collection of Papers on the 50th Anniversary of His Death]*. Leningrad, 677–735.
- Богаевский, Б.Л. Первобытно-коммунистический способ производства на Крите и в Микенах. В сб.: *Памяти Карла Маркса. Сборник статей к 50-летию со дня смерти*. Л., 677–735.
- Bolshakov, A.O. 2015: [The liveliness of the heritage of Yuri Yakovlevich Perepelkin]. In: A.O. Bolshakov (ed.), *Peterburgskie egiptologicheskie chteniya 2013–2014. Pamyati Yuriya Yakovlevicha Perepelkina. K 110-letiyu so dnya ego rozhdeniya. Doklady [St. Petersburg Egyptological Readings 2013–2014. In Commemoration of Yuri Yakovlevich Perepelkin. On the Occasion of His 110th Birthday. Papers of the Conference]*. Saint Petersburg, 7–23.
- Большаков, А.О. Живость наследия Юрия Яковлевича Перепелкина. *Петербургские египтологические чтения 2013–2014. Памяти Ю.Я. Перепелкина. К 110-летию со дня рождения. Доклады*. (ТГЭ, 76). СПб., 7–23.
- Bugaeva, N.V., Ladynin, I.A. 2016: [“Our manual will pass the exam...” A session of the Department of Ancient History, Faculty of History, Moscow State University, and of the Section for Ancient History, Institute of History, Academy of Sciences of the USSR, on 22 March 1949]. *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo [Journal of Dmitriy Pozharskiy University]* 2 (4), 187–282.
- Бугаева, Н.В., Ладынин, И.А. «Наш учебник по древней истории выдержит экзамен...» Заседание кафедры древней истории исторического факультета МГУ и сектора древней истории Института истории АН СССР 22 марта 1949 г. *Вестник Университета Дмитрия Пожарского* 2 (4), 187–282.

³⁰ Ladynin 2016, 26–27.

- Childe, V.G. 1950: The urban revolution. *Town Planning Review* 21, 3–17.
- Diakonoff, I.M. 1995: *Kniga vospominaniy* [A Book of Memoirs]. Moscow.
- Дьяконов, И.М. *Книга воспоминаний*. М.
- Editorial 1939: [On the publication of a new manual of the history of Ancient Greece]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 174.
- К выходу нового учебника по истории древней Греции. *ВДИ* 2, 174.
- Editorial 1952: [Ancient history in the *World History* being prepared by the USSR Academy of Sciences]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 3–16.
- История древнего мира во «Всемирной истории», подготовляемой Академией Наук СССР. *ВДИ* 1, 3–16.
- Formozov, A.A. 2006: *Russkie arkheologi v period totalitarizma. Istoriograficheskie ocherki* [Russian Archaeologists of Totalitarian Period. Historiographical Studies]. 2nd ed. Moscow.
- Формозов, А.А. *Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки*. 2-е изд. М.
- Frolov, E.D. 1999: *Russkaya nauka ob antichnosti. Istoriograficheskie ocherki* [Russian Research of Classical Antiquity. Historiographical Essays]. St. Petersburg.
- Фролов, Э.Д. *Русская наука об античности. Историографические очерки*. СПб.
- Garipzanov, I.G., Zhigunin, V.D., Chiglintsev, E.A. 1997: [Classical Monday: Traditions and the search of the new paths]. In: V.D. Zhigunin, E.A. Chiglintsev, I.G. Garipzanov (eds.), *Antichnost': Miry i obrazy* [Antiquity: Universes and Images]. Kazan', 3–7.
- Гарипзанов, И.Г., Жигунин, В.Д., Чиглинецев, Е.А. «Античный понедельник»: традиции и поиски новых путей. В сб.: В.Д. Жигунин, Е.А. Чиглинецев, И.Г. Гарипзанов (ред.). *Античность: миры и образы*. Казань, 3–7.
- Golubtsova, E.S. (ed.) 1983: *Antichnaya Gretsia. Problemy razvitiia polisa* [Classical Greece. Problems of the polis' Development]. Vol. I–II. Moscow.
- Античная Греция. Проблемы развития полиса*. Т. I–II. Под ред. Е.С. Голубцовой. М.
- Heinen, H. 2014: [Rise and decline of Soviet research slavery. An essay on the relationship of politics and science]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 143–178.
- Хайнен, Х. Расцвет и упадок советских исследований о рабстве. *ВДИ* 4, 143–178.
- Kirillova, M.N. 2021: [The Saumacos' revolt as an episode in the history of the USSR]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya»* [The On-Line Journal of Education and Science "History"] (in print).
- Кириллова, М.Н. Восстание Саммака как эпизод истории СССР. *Электронный научно-образовательный журнал «История»* (в печати).
- Klyuev, A.I., Metel', O.V. (eds.) 2018: *Abram Borisovich Ranovich: dokumenty i materialy* [Abram Borisovitch Ranovich: Documents and Materials]. Omsk.
- Клюев, А.В., Метель, О.В. (сост.), *Абрам Борисович Ранович: документы и материалы*. Омск.
- Koprzhiva-Lurie, B. Ya. 1987: *Istoriya odnoy zhizni* [A History of a Life]. Paris.
- Копржива-Лурье, Б.Я. *История одной жизни*. Париж.
- Koshelenko, G.A. 1980: [Polis and city: A statement of the problem]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 3–28.
- Кошеленко, Г.А. Полис и город: к постановке проблемы. *ВДИ* 1, 3–28.
- Kovalev, S.I. (ed.) 1936–1937: *Istoriya drevnego mira* [A History of the Ancient World.]. Vol. I–III. Moscow.
- История древнего мира*. Т. I–III. Под ред. С.И. Ковалева. М.
- Krikk, S.B. 2013: *Obraz drevnosti v sovetskoj istoriografii* [The Image of Antiquity in Soviet Historiography]. Moscow.
- Крих, С.Б. *Образ древности в советской историографии*. М.
- Ladynin, I.A. 2016: [Peculiarities of the landscape (How Marxist was the “Soviet Antiquity”?).] *Vestnik Universiteta Dmitriya Pozharskogo* [Journal of Dmitriy Pozharskiy University] 2 (4), 9–32.
- Ладынин, И.А. Особенности ландшафта (Насколько марксистской была «советская древность?»). *Вестник Университета Дмитрия Пожарского* 2 (4), 9–32.
- Ladynin, I.A. 2020: [“The Egyptian Bible”: Alternatives to the pre-revolutionary research paradigm in S. Ya. Luria's works of 1920]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series] 162/3, 42–55.
- Ладынин, И.А. «Египетская Библия»: альтернативы дореволюционной научной парадигме в работах С.Я. Лурье 20-х годов XX века. *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки* 162/3, 42–55.

- Ladynin, I.A., Timofeeva, N.S. 2014: [Egyptologist M.A. Korostovtsev and his initiative to establish the USSR scientific representative office in Egypt (1943–1947)]. *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes] 15 (133), 358–382.
- Ладынин, И.А., Тимофеева, Н.С. Египтолог М.А. Коростовцев и его инициатива по созданию научного представительства СССР в Египте. *Исторические записки* 15 (133), 358–382.
- Ladynin, I.A., Timofeeva, N.S. 2017: ["Dear Lavrentiy Pavlovich!" Some documents of V.I. Avdiev dating to 1950]. *Aegyptiaca Rossica* 5, 337–360.
- Ладынин, И.А., Тимофеева, Н.С. «Глубокоуважаемый Лаврентий Павлович!» Из документов В.И. Авдиева в 1950 г. *Aegyptiaca Rossica* 5, 337–360.
- Mirovshchikova, A.A. 2016: [S. Ya. Luria: A historian of the "old school" in the dimensions of the Soviet scholarship in 1910s – early 1960s]. In: *Aktual'nye problemy sovremennoy nauki: vzglyad molodykh. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Topical Issues of the Contemporary Scholarship: A Young View. Proceedings of All-Russian Scientific-Practical Conference]. Chelyabinsk, 494–500.
- Мировшичкова, А.А. С.Я. Лурье: историк «старой школы» в пространстве советской науки 10-х – начала 60-х гг. XX в. В сб.: *Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Челябинск, 494–500.
- Pavlovskaya, A.I. 2000: [Konstantin Konstantinovich Zel'in]. In: G.N. Sevost'yanov et al. (eds.), *Portrety istorikov: Vremya i sud'by*. T. 2. *Vseobshchaya istoriya* [Portraits of Historians: Time and Destinies. Vol. 2. The World History]. Moscow–Jerusalem, 94–104.
- Павловская, А.И. Константин Константинович Зельин. В кн.: Г.Н. Севостьянов (отв. ред.), *Портреты историков: Время и судьбы*. Т. 2. *Всеобщая история*. Москва–Иерусалим, 94–104.
- Struve, V.V. 1934: *Problema zarozhdeniya, razvitiya i upadka rabovladel'cheskikh obshchestv Drevnego Vostoka* [The Problem of Genesis, Evolution and Decay of the Slave-Holding Societies of the Ancient Orient]. Moscow–Leningrad.
- Струве, В.В. *Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ Древнего Востока*. (Известия ГАИМК, 77). М. – Л.
- Struve, V.V. 1941: *Istoriya drevnego Vostoka* [A History of the Ancient Orient]. Leningrad.
- Струве, В.В. *История древнего Востока*. Л.
- Struve, V.V. 1950: [Saumacos' revolt]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 3, 23–40.
- Струве, В.В. Восстание Савмака. *ВДИ* 3, 23–40.
- Tikhonov, V.V. 2016: *Ideologicheskiye kampanii pozdnego stalinizma i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-kh – 1953 g.)* [Ideological Campaigns of the Late Stalinism and the Soviet Historical Science (Mid 1940s – 1953)]. Moscow–Saint Petersburg.
- Тихонов, В.В. *Идеологические кампании позднего сталинизма и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.)*. М. – СПб.
- Vigasina, A.A., Karpyuk, S.G. 2015: [Unpublished and forgotten: "The History of Culture" of 1941]. *Harkivs'kyi istoriografichnyi zbirnyk* [Kharkov Historiographical Almanac] 14, 77–92.
- Вигасин, А.А., Карпюк, С.Г. Незданная и забытая: «История культуры» 1941 года. *Харківський історіографічний збірник* 14, 77–92.

Natalia S. Almazova,

Н.С. Алмазова,

National Research University
"Higher School of Economics"

к.и.н., доцент школы исторических наук
факультета гуманитарных наук Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

E-mail: nalmazova@hse.ru

Ivan A. Ladynin,

И.А. Ладынин,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia;
National Research University
"Higher School of Economics"

д.и.н., доцент кафедры истории древнего мира
исторического факультета Московского государ-
ственного университета имени М.В. Ломоносова;
доцент школы исторических наук факультета гу-
манитарных наук Национального исследова-
тельского университета «Высшая школа экономики».

E-mail: ladynin@mail.ru